

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31696/S086919080038798-4

ЭКАДВ В МНОГОСТОРОННЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1946–1950)

© 2026

А.С. ШАТАЛОВ ^а

^а – Постоянное представительство Российской Федерации при
ООН, Нью-Йорк, США
ORCID: 0009-0004-5170-8946; artemiyshatalov@gmail.com

Резюме: Советский Союз стоял у истоков одного из ключевых региональных институтов экономической дипломатии ООН – Экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), однако этот вопрос практически не исследован в историографии. Цель статьи – выявить роль СССР в учреждении ЭКАДВ и особенности участия в её работе на раннем этапе (1946–1950). Анализ этой проблемы позволит продемонстрировать отношение Москвы к многосторонним учреждениям, выявить специфику социально-экономической дипломатии ООН на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы, ответить на вопрос о том, каким образом складывался баланс между пропагандистской и отраслевой составляющей в работе региональных комиссий ООН. Опираясь на впервые вводимые в научный оборот материалы трёх фондов Архива внешней политики Российской Федерации, автор раскрывает специфику развития универсального многостороннего взаимодействия в сфере экономики, промышленности, торговли и сельского хозяйства в регионе ответственности ЭКАДВ в конце 1940-х гг. При создании ЭКАДВ Москва стремилась перенести архитектуру Европейской экономической комиссии ООН на новую структуру, причем, опасаясь оказаться в меньшинстве, СССР добивался ограниченных полномочий Комиссии с акцентом на консультативно-информационные, а не оперативные функции. В результате площадка ЭКАДВ превратилась в арену советско-американской борьбы нарративов, а Советский Союз активно использовал её для защиты своих интересов в отношении ситуации в Китае и Японии, а также противодействия созданию «плана Маршалла» для региона. В отраслевом сотрудничестве советско-американские противоречия наиболее ярко проявились в сфере региональной торговли (вопросы протекционизма, тарифов и пр.) и развития национальной промышленности стран Азии и Дальнего Востока. Сельскохозяйственное направление работы Комиссии оказалось заблокировано, тогда как приоритетными стали вопросы промышленного развития. Делается вывод о том, что, несмотря на скепсис, СССР предпочитал участвовать в международных институтах, а не оставаться в стороне.

Ключевые слова: Советский Союз, ООН, ЭКАДВ, ЭСКАТО, многосторонняя дипломатия, экономическая дипломатия, Холодная война, колониализм

Для цитирования: Шаталов А.С. ЭКАДВ в многосторонней экономической дипломатии Советского Союза (1946–1950). *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 48–59. DOI: 10.31696/S086919080038798-4

ECAFE IN MULTILATERAL ECONOMIC DIPLOMACY
OF THE SOVIET UNION (1946–1950)

© 2026

Artemii S. SHATALOV ^a

^a – Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations,
New York, United States of America
ORCID: 0009-0004-5170-8946; artemiyshtalov@gmail.com

Abstract: *The Soviet Union was at the origin of one of the key regional institutions of UN economic diplomacy – the Economic Commission for Asia and the Far East (ECAFE) – but this issue is hardly studied in historiography. The article aims to identify the role of the USSR in the establishment of ECAFE and its work there in 1946–1950. It demonstrates the attitude of Moscow towards multilateral institutions and reveals the specificity of socio-economic diplomacy of the UN in the Far East. Based on the newly revealed documents of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the author analyses the specifics of the development of universal multilateral interaction in the sphere of economy, industry, trade and agriculture in the ECAFE region in the late 1940s. Establishing ECAFE, Moscow sought to transpose the architecture of the UNECE, and, fearing to be left in minority, the USSR argued for limited powers of the Commission. As a result, the ECAFE became an arena for the Soviet-American narrative struggle, and the Soviet Union actively used it to defend its interests regarding the situation in China and Japan. Concerning the state of the industry, the Soviet-American conflicts were most pronounced in the sphere of regional trade (protectionism, tariffs, etc.) and national industrial development of Asian and Far Eastern countries. The Commission's agricultural domain was blocked, with industrial development issues given priority. The author concludes that, despite skepticism, the USSR preferred to participate in international institutions rather than abstain from joining them.*

Keywords: Soviet Union, United Nations, ECAFE, ESCAP, multilateral diplomacy, economic diplomacy, Cold War, colonialism

For citation: Shatalov A.S. ECAFE in multilateral economic diplomacy of the Soviet Union (1946–1950). *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 48–59. DOI: 10.31696/S086919080038798-4

Сегодня растёт интерес Российской Федерации к работе Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). В условиях заморозки проектной деятельности по линии иных учреждений системы развития ООН в связи с недружественной позицией некоторых функционеров всемирной Организации, площадка ЭСКАТО, напротив, становится эффективным инструментом поддержания отраслевого диалога в регионе и предоставления технической помощи странам-партнёрам.

Однако история взаимодействия СССР/России с ЭСКАТО, учреждённой в 1947 г. как Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ), практически не нашла отражения в историографии. Имеющиеся публикации касаются поздних этапов сотрудничества [Советский Союз в экономических, 1983, с. 268]; роль же СССР в создании ЭКАДВ и деятельность Москвы в её рамках на начальном этапе не изучены или затрагиваются по касательной без привлечения профильных архивов [Гришаева, 2007]. На основе впервые вводимых в научный оборот документов Архива внешней политики Российской Федерации мы стремимся определить как декларированные, так и реальные приоритеты

Советского Союза в этой сфере, а также их последствия для профильного многостороннего сотрудничества.

В качестве временных рамок мы выбрали период с 1946 по 1950 г. К концу 1940-х гг. Сталин, и так подозрительно относившийся к международным чиновникам, судя по всему, настоял на заморозке сотрудничества с международными организациями [Лебедева, Шаталов, 2025, с. 120]. Выбор 1950 г. как верхней границы исследования объясняется также и динамикой развития международных отношений в Азии на начальном этапе холодной войны. Если в Европе СССР и США перешли к прямой конфронтации уже в конце 1945 г., то на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы они еще пытались сохранить статус-кво; точкой невозврата стало начало войны на Корейском полуострове в 1950 г. [Вторая мировая, 2020, с. 754]. В этой связи указанный период позволяет проанализировать «нормальное» функционирование ЭКАДВ вне прямого советско-американского столкновения, впоследствии распространившегося и на эту площадку ООН.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И СОЗДАНИЕ ЭКАДВ

Вопрос создания ЭКАДВ предметно рассматривался на четвертой сессии ЭКОСОС (Нью-Йорк, 28 февраля – 28 марта 1947 г.). За образец СССР стремился взять разработанные Комиссией по экономике и занятости ЭКОСОС правила процедуры и круг ведения вопросов ранее учреждённой Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК), которую наделили исключительно консультативными функциями.

Против этого выступали США и Великобритания. В частности, они предлагали передать ЭКАДВ в прямое подчинение ЭКОСОС, где у западного блока было численное преимущество, и, например, обязать Комиссию представлять Совету на одобрение планы своей деятельности на следующий год; Москва же полагала, что со временем в Азии сложится новый баланс сил, связанный в том числе с деколонизацией, а потому ЭКАДВ должна быть самостоятельной и лишь докладывать о своей деятельности в ЭКОСОС. Кроме того, Вашингтон и Лондон настаивали на расширении участия различных международных организаций в работе ЭКАДВ; напротив, СССР требовал, чтобы специализированным учреждениям ООН предоставлялось не больше прав, чем то предусмотрено ст. 70 Устава, организации, не связанные с ООН на основании ст. 57 Устава, не допускались в Комиссию в принципе [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 12–13].

Поправки Советского Союза были отвергнуты на уровне редакционного комитета. Москве лишь удалось исключить из сферы деятельности ЭКАДВ Корею, которая «находится на особом положении, поскольку она управляется контрольными оккупационными властями СССР и США», а также снять формулировку об участии колоний («ЭКАДВ ... подготовить рекомендации, касающиеся ... мероприятий, которые следует предпринять для предоставления возможности участвовать в обсуждениях Комиссий тех территорий в этом районе, которые не являются членами Организации») [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 13–14]. Однако связь с ЭКОСОС и расширенное участие международных организаций, членом которых Советский Союз не являлся, в тексте остались. В этой связи представитель СССР на голосовании по одобрению функций ЭКАДВ в целом воздержался [АВПРФ, ф. 47, оп. 2, п. 7, д. 338, л. 1–2]. Финансироваться работа Комиссия должна была из регулярного бюджета ООН, а её штаб-квартира временно размещалась в Шанхае до того, как будет выбрано постоянное местопребывание¹.

Тем не менее сдаваться Москва не собиралась. Первая сессия ЭКАДВ состоялась в Шанхае 6 июня 1947 г. Её повестка дня включала в основном вопросы организацион-

¹ Таким в 1949 г. был определен Бангкок.

ного характера: избрание должностных лиц, принятие предварительных правил процедуры, обсуждение мероприятий по сбору информации, относящейся к экономическому восстановлению.

В докладной записке, направленной 6 июня 1947 г. на имя Молотова совместно начальником Экономического отдела МИД СССР В. Геращенко и заместителем начальника Отдела по делам ООН А. Стеценко, дипломаты указывали на характер предыдущих обсуждений в ЭКОСОС. По их мнению, таким образом, реальные дискуссии развернутся вокруг двух ключевых сюжетов.

Во-первых, остро стоял вопрос о членстве в ЭКАДВ и географических рамках её работы. При учреждении Комиссии в ЭКОСОС не было достигнуто единого мнения о том, какие именно страны могли войти в её состав. Удалось договориться лишь о государствах-основателях: это были СССР, США, Великобритания, Франция, Нидерланды, Австралия, Китай, Индия, Филиппины, Таиланд. Проблему же членства остальных азиатских и дальневосточных независимых стран-членов ООН предполагалось решить уже в Шанхае.

Наиболее активной в этой связи была Великобритания. Как пишут Геращенко и Стеценко, «[п]ри обсуждении этого вопроса в ЭКОСОС и комиссиях англичане стояли за максимальное сужение круга стран-членов Комиссии и в то же время требовали, чтобы широко применялось т. н. ассоциирование с работой Комиссии территорий или групп территорий в районе деятельности Комиссии» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 1]. Речь шла об активном участии колоний, причем, по предложению Лондона, их интересы должна была представлять страна, «ответственная за международные отношения таких территорий или групп территорий», что отражало общую политику Великобритании в отношении участия колоний в международных делах [Cain, Hopkins, 2016, p. 663]. Естественно, для Москвы такое развитие событий представлялось неприемлемым.

Во-вторых, в ЭКОСОС не удалось окончательно договориться о круге ведения ЭКАДВ. Геращенко и Стеценко напоминают: в Нью-Йорке США и Великобритания настаивали на том, чтобы Комиссия в первую очередь занималась оценкой экономического положения в нуждающихся странах, причем с этой целью активно направляла бы своих специалистов на их территорию. В оценках советских дипломатов-экономистов речь шла о «получении информации для своей [США и Великобритании – А.Ш.] экономической экспансии» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 2]. Кроме того, Вашингтон и Лондон лоббировали расширение прав специализированных, межправительственных и других организаций для осуществления ими своей деятельности на территории Азии.

Таким образом, грядущая сессия ЭКАДВ рассматривалась советскими специалистами в первую очередь как арена противостояния с бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции. В этой связи руководство Экономического отдела МИД СССР считало участие Москвы в работе Комиссии целесообразным, поскольку это позволило бы «изучать экономику стран Азии и Дальнего Востока и противодействовать США, Англии и другим колониальным державам в их стремлении использовать Комиссию для укрепления своего экономического и политического господства в этих странах» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 2].

Во многом эти опасения советских специалистов оправдались. Более того, как писал в докладной записке по итогам мероприятия Молотову Стеценко 22 июля 1947 г., «[с]оветской делегации ...пришлось столкнуться с предварительным сговором между остальными делегациями по вопросам о повестке дня Сессии и пр. ... В силу этого по большинству вопросов спорного характера советская делегация оставалась в единственном числе» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 16]. В некоторых случаях Москву поддерживал делегат от Индии, будущий министр иностранных дел Джавахарлал Неру, однако его позиция, судя по донесениям дипломатов, отличалась большой непоследовательностью.

Обратим, однако, внимание, что, судя по всему, «сговор» ооновцев и западников оказался во многом просто удобным предлогом для советской делегации: данные ей директивы из-за объективного численного доминирования противников СССР выполнить в полной степени было невозможно. В частности, в качестве примера такого «сговора» Стеценко приводит проведенное 11 июля совещание временно занимавшего должность исполнительного секретаря ЭКАДВ Розенборга с прибывшими в Шанхай сотрудниками Секретариата ООН, где «обсуждались вопросы о руководящих органах Сессии» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 21]. Подобного рода установочные совещания – нормальная практика для международных чиновников, особенно если сессия проводится вне штаб-квартиры или иного офиса организации.

Вместе с тем признаки «нечестной игры» за спиной Москвы действительно имелись. Об этом красноречиво говорит внесение Неру кандидатуры китайского² делегата для избрания на пост председателя сессии. Стеценко пишет: «моя беседа с Неру до заседания о намерении советской делегации выдвинуть его кандидатуру на пост председателя окончилась ничем, так как Неру заявил, что он считает себя связанным состоявшейся ранее договоренностью между делегациями о том, что именно он должен выдвинуть кандидатуру китайского делегата» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 21]. В результате Советский Союз был вынужден попросту отказаться от части поставленных перед ним задач процедурного характера. Однако эта проблема представлялась решаемой: при подготовке ко второй сессии ЭКАДВ (Манила, 24 ноября 1947 г.) Стеценко предлагал обеспечить заблаговременное прибытие советских дипломатов, «за 2–3 дня до ее открытия, чтобы, по крайней мере, быть осведомленными обо всех предварительных переговорах и соглашениях между делегациями» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 31].

Обсуждение вопросов круга ведения ЭКАДВ также протекало непросто. Во-первых, западные делегации стремились переложить реальную работу по сбору профильной информации и возможному предоставлению содействия на секретариаты ЭКАДВ и ООН, наделив особыми полномочиями исполнительного секретаря Комиссии. При таком развитии событий на сессиях страны-члены обсуждали бы лишь организационно-административные, бюджетные вопросы. «При значительном преобладании американцев и англичан во всех органах ООН такое выхолащивание повестки дня Сессии ЭКАДВ означало бы устранение стран-членов Комиссии от какого-либо влияния на вопросы программы работы и фактическую передачу всей практической работы в американские руки» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 18].

Когда же Москва при поддержке Дели добилась снятия такого положения, Вашингтон и Лондон сменили тактику. Теперь их позиция заключалась в том, что ЭКАДВ была не готова «взять на себя долгосрочные обширные задачи помощи странам Азии и Дальнего Востока в деле разрешения первоочередных экономических задач, как то продовольственная проблема, помощь одеждой, сельскохозяйственными семенами и т. д.» [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 27]. В этом их поддержала Австралия: она рассматривала ЭКАДВ как инструмент сбора и агрегирования различных статистических данных, которыми впоследствии могли бы пользоваться различные финансовые организации [АВПРФ, ф. 06, оп. 9, п. 25, д. 317, л. 27–28]. Таким образом, работа Комиссии в подаче Канберры способствовала бы притоку дополнительных инвестиций в страны региона и, следовательно, развитию местной экономики.

Подобная позиция во многом отражала видение СССР роли ЭКАДВ. В частности, в директивах советской делегации на третьей сессии Комиссии в 1948 г. прямо говорилось: «следует исходить из того, что ЭКАДВ имеет *консультативные* функции, и что не следует

² В тот период в ООН был представлен Тайвань как «Китайская республика».

допускать, чтобы ЭКАДВ получила *оперативные функции*» [АВППФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 206, л. 26], то есть занималась непосредственным техническим содействием. В тезисах к вступительной речи главы делегации отмечалось, что Комиссия должна проявлять инициативу и участвовать в мероприятиях, облегчающих согласованные действия для экономического восстановления стран Азии и Дальнего Востока, для активизации экономики этих стран и поддержания и укрепления экономических связей в регионе [АВППФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 8]. Об активности, аналогичной работе ЮНРРА, не упоминалось ни слова.

ЭКАДВ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЙ БОРЬБЫ НАРРАТИВОВ

Для Москвы цель существования ЭКАДВ заключалась в оказании содействия в восстановлении пострадавших от японского милитаризма территорий. Тем не менее в рассматриваемый период работа Комиссии подвергалась регулярной критике со стороны Советского Союза, а сама ЭКАДВ превратилась в арену борьбы нарративов между Москвой и ее противниками.

Приведём выдержку из письма министра иностранных дел СССР В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) о VII сессии Экономического и Социального Совета ООН по п. 17 повестки дня (доклад ЭКАДВ):

«При обсуждении доклада Экономической комиссии для стран Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) советская делегация должна указать, что ЭКАДВ не справилась с возложенными на нее задачами по оказанию эффективной помощи восстановлению и развитию экономики стран Азии и Дальнего Востока, не приняла каких-либо рекомендаций в целях оказания помощи. ...Такое положение явилось следствием политики некоторых держав, которые стремятся подчинить деятельность ЭКАДВ узким интересам определенной группировки держав, не считаясь с насущными нуждами национальной экономики стран Азии и Дальнего Востока» [АВППФ, ф. 06, оп. 11, п. 4, д. 60, л. 9].

Как можно отметить, речь шла не о конкретных проблемах с выполнением отдельных поручений стран-членов, а о более широкой борьбе нарративов и превращении площадки ЭКАДВ в инструмент борьбы с западным блоком в холодной войне. Да, советские дипломаты в рамках восьмой сессии ЭКАДВ (январь 1949 г.) указывали, что «[з]а все время своего существования Комиссия не приняла каких-либо рекомендаций в целях эффективной помощи странам Азии и Дальнего Востока» [АВППФ, ф. 06, оп. 11, п. 5, д. 62, л. 7], однако такой тезис представляется преувеличенным и направленным сугубо на «внешнее потребление».

Как следует из директив советским делегациям на различных сессиях ЭКАДВ, реальное недовольство Москвы было спровоцировано реакцией Комиссии на ситуацию в Японии и Китае. Что касается Японии, то Советский Союз в принципе настаивал на том, что ею должна заниматься Дальневосточная Комиссия, тогда как ЭКАДВ не имела компетенций для этого. Как следствие, в частности, советские дипломаты на сессиях ЭКОСОС должны были выступать против «одобрения» итоговых докладов ЭКАДВ и настаивать исключительно на «принятии их к сведению» [АВППФ, ф. 06, оп. 11, п. 4, д. 60, л. 9–10].

Китайский вопрос наиболее остро стоял во время гражданской войны в Китае. В подготовленных ЭКАДВ рекомендациях, в частности, тяжёлая ситуация в экономике Китая объяснялась не только последствиями Второй мировой войны на Дальнем Востоке и действиями японской армии, но и политикой Москвы на освобожденных Красной Армией территориях, что в Москве воспринимали как превращение Комиссии в инструмент внешней политики США. В этой связи Советскому Союзу регулярно приходилось отводить подобные заключения ЭКАДВ как предвзятые и не имеющие отношения к реальности:

Советская делегация настаивает на исключении из доклада рабочей группы ничем не обоснованных и тенденциозных утверждений о том, что одной из причин тяжёлого экономического положения Китая является якобы «вывоз капитального оборудования русскими войсками после японской оккупации». Данный вопрос не входит в компетенцию ни рабочей группы, ни ЭКАДВ. Известно, что тяжёлое экономическое положение Китая объясняется последствиями японской оккупации, многолетней гражданской войной, упадком в результате всего этого промышленности и сельского хозяйства, а также инфляцией [АВППФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 22].

Более того, несмотря на заявленную изначально цель ЭКАДВ по содействию в восстановлении разрушенных территорий, уже к концу 1947 г. Советский Союз активно работал над переводом активности Комиссии в русло технической помощи и консультаций. Причина такой смены курса заключалась в политике США по увязке предоставляемого ими содействия с выполнением странами-реципиентами политических условий. В результате советские дипломаты на сессиях ЭКАДВ настаивали на том, чтобы Комиссия не превратилась в «орган подготовки или осуществления “плана Маршалла для Азии и Дальнего Востока”» [АВППФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 11]. Функции содействия развитию региона, таким образом, отходили на второй план.

В результате, как и при учреждении Комиссии, СССР настаивал на исключительно консультативных, но не оперативных функциях ЭКАДВ. В этой связи её основная задача трансформировалась в подготовку рекомендаций, статистических обзоров и иных публикаций о социально-экономической ситуации в странах региона. Как следствие, площадка Комиссия становилась не только субъектом «антисоветской пропаганды», но также и удобным инструментом для ведения контр-пропагандистской работы.

Примечательно, что зачастую ЭКАДВ сама просила о направлении в её адрес материалов для дальнейшего использования в работе и отражении в своих докладах. В частности, 8 мая 1948 г. начальник Экономического отдела МИД СССР В.С. Геращенко докладывал заместителю министра Я.А. Малику об очередной такой просьбе исполнительного секретаря Комиссии. Экономический отдел МИД СССР в этой связи предлагал передать ЭКАДВ «Военную экономику СССР в период Отечественной войны» Н.А. Вознесенского и сборник «Народное хозяйство СССР» за 1947 г. [АВППФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 204, л. 1]. Вместе с тем речь шла о важном для советской дипломатии шаге: поскольку вопрос касался передачи информации ООН, Малик запросил мнение первого заместителя министра Вышинского, а окончательное решение утверждал лично Молотов.

Иногда с инициативой выступали сами дипломаты. В частности, во время очередной сессии Второго комитета ЭКАДВ в 1948 г. делегация СССР предложила передать комиссии сведения о специальном обучении для разработки необходимых курсов. Ссылаясь на это выступление, Локанатан 25 июля 1948 г. направил запрос в МИД СССР, в котором интересовался публикациями по техническому обучению; «особенно предьявляется спрос на материалы, касающиеся практической организации обучения, как то: информация относительно методов подбора инструкторов, относительно внутренних правил центров обучения, курсовые программы обучения, планы в деле использования обучения в различных видах промышленности, действенная помощь материалами и другими документами...» [АВППФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 208, л. 1]. Москва эту просьбу удовлетворила.

СССР И ОТРАСЛЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКАДВ: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Хотя пропагандистское измерение действительно играло особую роль в дипломатии Советского Союза на площадке ЭКАДВ, Москва использовала инструменты Комиссии для

продвижения своих интересов и через субстантивные направления её работы. В частности, речь шла о вопросах развития промышленности, в первую очередь — тяжёлой, торговли и сельского хозяйства в странах Азии.

В рамках дискуссий о положении с промышленностью в регионе Москва регулярно делала акцент на том, что основная причина тяжёлой экономической ситуации заключалась в колониальной политике США, Великобритании, Франции и Нидерландов, а восстановление и развитие экономики стран Азии должно было быть сопряжено с масштабными инвестициями в национальное промышленное развитие. При этом СССР настаивал на том, чтобы подобное развитие осуществлялось в первую очередь за счет максимального использования собственных ресурсов этих стран; привлечение же иностранного капитала должно было «иметь подчинённое значение и на условиях, не ущемляющих национальные интересы этих стран и их суверенитет». В этой связи, например, на IV сессии ЭКАДВ (Лапстоун, Австралия, 29 ноября 1948 г.) советские дипломаты ссылались на пример Китая, где, по мнению Москвы, «“помощь”, оказываемая США, на деле вела к экономическому закабалению и политическому подчинению стран, получающих такую помощь». [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 209, л. 4].

Дискуссии встраивались в более широкие дебаты о свободе торговли и защите национальной промышленности, развернувшиеся в первое послевоенное время. Послевоенный мировой порядок, как считали в администрации Трумэна, должен был строиться на разрушении «колониальной периферии» европейских государств, деиндустриализации традиционных промышленных центров в Европе и создании новых в бывших колониях за счет их «накачки» американским капиталом [Сидоров, 2016, с. 69]. Свобода движения капитала здесь играла особую роль: в ходе либерализации торговли предполагалась отмена любых мер поддержки экспортеров, что, безусловно, можно было расценить как вмешательство США в экономику третьих стран. Как следствие, СССР, категорически не согласный с такими планами, на многосторонних экономических площадках, в том числе и ЭКАДВ, настаивал на сохранении мер по защите промышленности, например, через защитительные барьеры [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 209, л. 6]. При этом подобный подход не означал «консервации» существовавшего регионального порядка: ряд договоров (например, англо-бирманский договор 1947 г.) обеспечивал «иностранному государству ряд таких привилегий, которые тормозили нормальное независимое развитие стран Азии и Дальнего Востока» [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 207, л. 10].

Иные инициативы рассматривались Советским Союзом не изолированно, а сугубо в преломлении к конкретным случаям их возможного использования против интересов СССР. В частности, когда речь зашла о создании зон свободной торговли на Дальнем Востоке, в директивах советской делегации на III сессии ЭКАДВ (1948 г.) отмечалась исключительно ситуация с портом Далянь (русское название — Дальний). МИД СССР указывал: «вопрос о создании так называемых зон свободной торговли недостаточно проработан в докладе о развитии торговли, искусственно выхвачен из ряда других не менее важных мероприятий, которые должны быть осуществлены для развития торговли в Азии и на Дальнем Востоке». Делегация должна была иметь в виду, что Дальний в принципе на тот момент не мог быть интернационализирован, поскольку по Ялтинским соглашениям 1945 г. интернационализация порта предполагала окончание состояния войны на Дальнем Востоке; между тем состояние войны юридически продолжалось до заключения мирного договора с Японией, а до этого, как вписал от руки в текст проекта директив Молотов, «советско-китайское соглашение предусматривает другое положение в г. Дальний» [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 206, л. 13]. На тот момент Москва была совсем не готова расставаться с теми территориями и правами, которые ей удалось вернуть и которые были ранее утрачены [Печатнов,

2012, с. 142], и экономические площадки также служили механизмом защиты военно-политических интересов.

Однако Советский Союз в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в ЭКАДВ оставался в меньшинстве. Секретариат, в свою очередь, в своих документах продвигал идеи либеральной торговли, де-факто играя на руку США. В частности, подобные положения регулярно фиксировались в ежегодном обзоре экономики региона, публикуемом Комиссией и передаваемом на рассмотрение странам-членам. В результате, СССР был вынужден ставить на голосование резолюции об этих документах или снижать уровень отношения к ним со стороны делегаций (например, править в постановляющей части резолюций «одобряет» на «принимает к сведению»). Так, в директивах советской делегации на VII сессию ЭКАДВ (Лахор, 28 февраля 1951 г.) поручалось:

«[п]одчеркнуть, что обзор неправильно оценивает использование внутренних ресурсов стран Азии и Дальнего Востока, считая, что это является лишь второстепенным фактором в деле экономического развития этих стран. При этом отметить, что в обзоре необоснованно придается чрезмерное значение роли иностранного капитала в развитии экономики этих стран. Отметить также, что обзор не показывает, что ввоз иностранного капитала сопровождается предъявлением кабальных требований со стороны стран, экспортирующих стран. ...что представление этого капитала не должно обуславливаться политическими, экономическими и военными привилегиями для стран, представляющих займы и кредиты» [АВПРФ, ф. 07, оп. 24, п. 4, д. 30, л. 6].

В отношении обсуждения вопросов сельского хозяйства на площадке ЭКАДВ и реализации профильных проектов по каналам Комиссии главная проблема для Москвы заключалась в невхождении в состав Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций (ФАО). Отношение к ней у СССР было настороженным: хотя Советский Союз участвовал в создании ФАО, в последний момент Москва не стала подписывать её устав. В первую очередь, Советский Союз был не готов направлять международным чиновникам сведения о запасах и производстве зерна, имевшие стратегическое значение.

Как следствие, любые форматы взаимодействия с ФАО в 1940-х – 1950-х гг. стали для Москвы неприемлемы. ЭКАДВ же в условиях ограниченного бюджета и необходимости «разделения труда» в системе ООН, наоборот, ориентировался на сотрудничество с ФАО и создание совместных структур, что вызывало прямое сопротивление СССР и затрудняло реализацию сельскохозяйственных проектов. В частности, на II сессии ЭКАДВ (1948) США и Филиппины внесли предложение о создании совместного комитета ЭКАДВ и ФАО по продовольствию и сельскохозяйственной продукции. Как отмечалось в отчёте о работе советской делегации по итогам мероприятия, «[э]то указание [возражать против учреждения комитета – *А.Ш.*] выполнено, и американо-филиппинское предложение о создании такого комитета отклонено» [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 205, л. 4]. Более того, эксперты МИД СССР настаивали на том, чтобы на грядущих заседаниях ЭКОСОС Советский Союз активно противодействовал «переходу контроля над распределением риса и других видов продовольствия в руки ФАО», и даже предложил «отмену такого контроля вообще, предоставив странам Азии и Дальнего Востока возможность свободно обмениваться продуктами своего труда» [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 205, л. 7].

Необходимо отметить, что речь шла об идеологическом неприятии ФАО не только как института, но и её методов работы. Организация занималась в первую очередь консультационной и статистической деятельностью; СССР же, несмотря на аналогичные требования к ЭКАДВ, настаивал на реальной материальной и безвозмездной помощи в развитии сельского хозяйства пострадавших стран, которое бы происходило по каналам ФАО на

взносы доноров. В частности, в директивах советской делегации на Пленарном комитете (продолжение IV сессии ЭКАДВ, 1949 г.) говорилось:

указать, что развитие сельского хозяйства стран Азии и Дальнего Востока в их национальных интересах должно идти по линии перестройки аграрных отношений на демократических основах и внедрения передовых методов ведения сельского хозяйства, должно поощряться предоставлением дешёвого сельскохозяйственного кредита крестьянству для приобретения сельскохозяйственных машин и удобрений, создания кредитных и сборных кооперативов [АВПРФ, ф. 07, оп. 22–г, п. 4, д. 41, л. 9].

В этой связи Советский Союз мог вполне оправданно критиковать Организацию и на этом основании блокировать взаимодействие с ней ЭКАДВ. В рамках VII сессии Комиссии 1951 г. советские дипломаты в качестве аргументации ссылались на то, что ни ЭКАДВ, ни ФАО не оказывали содействия восстановлению ирригационных сооружений, снабжению мелких и средних крестьянских хозяйств удобрениями, сельскохозяйственными машинами и инвентарём, доступным сельскохозяйственным кредитованием [АВПРФ, ф. 07, оп. 24, п. 4, д. 30, л. 9]. Такой подход в целом отражал стратегию СССР в сфере содействия международному развитию по линии институтов ООН времён не только позднего Сталина, но и вплоть до конца 1980-х гг. [Ларионова, 2019, с. 148].

Был ли при этом Советский Союз идеологически против развития многосторонних институтов? Как представляется, нет. Свидетельством этому на сельскохозяйственном треке деятельности ЭКАДВ может служить ситуация с созданием бюро по контролю над наводнениями, предложенного Китаем (Тайванем) на IV сессии ЭКАДВ (1948 г.), впоследствии переданная на обсуждение в ЭКОСОС. Советской делегации наказывалось:

СССР не заинтересован в этом органе, но, по возможности, должен иметь наблюдение за его деятельностью. Исходя из этого, советская делегация должна противодействовать предложениям, которые ставили бы этот орган вне контроля комиссии... Голосовать за предложение о создании бюро [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 19, д. 209, л. 8].

В результате, бюро было учреждено на VII сессии ЭКОСОС. Против голосовали США, Великобритания и Канада, тогда как Советский Союз проголосовал в поддержку этого решения [АВПРФ, ф. 06, оп. 10, п. 18, д. 192, л. 7]. Хотя в целом СССР в рассматриваемый период склонялся в пользу неучастия в невыгодных для него институтах (ЮНЕСКО, ИКАО и пр.), такой подход объяснялся не идеологической борьбой с международными организациями, а объективными техническими сложностями, которыми сопровождалось их учреждение [Лебедева, Шаталов, 2025, с. 121]. Случай с бюро по контролю над наводнениями подтверждает: если не затрагивались стратегические интересы, для Советского Союза участие в не самом выгодном для неё институте было приоритетнее отказа от него в пользу его функционирования на двусторонней основе. Многосторонний формат позволял Москве осуществлять пригляд за его деятельностью.

ВЫВОДЫ

Советский Союз принимал активное участие в создании ЭКАДВ. Поскольку инициатива исходила не от Москвы, основная задача советской дипломатии при этом заключалась в максимальном копировании архитектуры учреждённой Европейской экономической комиссии ООН. Более того, понимая, что в составе ЭКАДВ СССР окажется в меньшинстве, советское государство настаивало на фактическом выхолащивании реальных способностей Комиссии и приоритизации консультативно-информационных функций при отказе от оперативных возможностей.

Эти опасения во многом оправдались. Советский Союз столкнулся с закулисными договорённостями третьих стран и некоторой предвзятостью Секретариата. В этой связи даже на раннем этапе ЭКАДВ превратилась в арену пропагандистской борьбы между СССР и странами Запада, причём Москва использовала площадку Комиссии для активного продвижения своих нарративов среди государств Азии, а руководство МИД СССР уделяло ЭКАДВ особое внимание.

В сфере отраслевого сотрудничества взаимодействие в рамках ЭКАДВ отражало общие советско-американские противоречия в отношении новой системы международной торговли, включая вопросы протекционизма, тарифов, свободы торговли и пр. Неприятие ФАО и отсутствие собственных операционных возможностей ЭКАДВ привело к фактической блокировке сельскохозяйственного трека работы Комиссии. Напротив, на первый план вышли «промышленное» измерение и дискуссии о промышленном развитии. При этом различные форматы сотрудничества по каналам ЭКАДВ, включая бюро по контролю над наводнениями, позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз в целом был более склонен участвовать в работе международных институтов, чем оставаться за бортом.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВППФ – Архив внешней политики Российской Федерации [AVPRF – Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2020 [The Second World War and the Transformation of International Relations. From Multipolarity to the Bipolar World. L.S. Belousov, A.S. Manykin (eds.) Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 2020 (in Russian)].

Гришаева Л.Е. *Россия и ООН: история и современность.* М.: Спутник+, 2007 [Grishaeva L.E. *Russia and the UN: History and Modernity.* Moscow: Sputnik+, 2007 (in Russian)].

Лебедева О.В., Шаталов А.С. «Вопрос о транспортной авиации – это не местный вопрос»: СССР и переговоры о создании Международной организации гражданской авиации (1943–1945 гг.). *Вестник МГИМО-Университета.* 2025. Т. 18. № 5. С. 101–125 [Lebedeva O.V., Shatalov A.S. 'The Civil Aviation Question Is Not a Local One': The USSR and the Negotiations on Establishing an International Civil Aviation Organization, 1943–1945. *MGIMO Review of International Relations.* 2025. Vol. 18. No. 5. Pp. 101–125 (in Russian)].

Ларионова М.В. СССР в системе сотрудничества в целях развития под эгидой ООН. *Вестник международных организаций.* 2019. Т. 14. № 1. С. 145–163 [Larionova M.V. The Soviet Union in the United Nations Development System. *International Organisations Research Journal.* 2019. Vol. 14. No. 1. Pp. 145–163 (in Russian)].

Печатнов В.О. Как Трумэн у Сталина Курилы просил. *Россия XXI.* 2012. № 4. С. 140–157 [Pechatnov V.O. How Truman asked Stalin for the Kuril Islands. *Russia XXI.* 2012. No. 4. Pp. 140–157 (in Russian)].

Сидоров А.А. «Единый мир» глазами Рузвельта: финансово-экономические аспекты американских планов послевоенного мирового устройства. *Новая и новейшая история.* 2016. № 3. С. 64–76 [Sidorov A.A. «One World» of Roosevelt: Financial and Economic Aspects of the American Post-War World Order Plans. *Modern and Contemporary History.* 2016. No. 3. Pp. 64–76 (in Russian)].

Советский Союз в экономических и научно-технических организациях ООН. Под ред. Д.М. Гвишиани, А.Б. Фрумкина. М.: Международные отношения, 1983 [*The Soviet Union in the UN economic, scientific and technical organizations.* D.M. Gvishiani, A.B. Frumkin (eds.) Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1983 (in Russian)].

Cain P.J., Hopkins A.G. *British Imperialism, 1688–2015.* London: Routledge, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ШАТАЛОВ Артемий Сергеевич – кандидат политических наук, третий секретарь Постоянного представительства Российской Федерации при ООН, Нью-Йорк, США.

Artemii S. SHATALOV, PhD (Political Sciences), Third Secretary, Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations, New York, United States of America.